

Иван Алексеевич Бунин

КОПЬЕ ГОСПОДНЕ

Оригинал здесь: [Электронная библиотека Яблчанского.](#)

Красное море встречает нас дурными знаменами.

Вчера на закате дул хамсин. Слева, в пыльной, красной мгле, садилось болезненно и тускло блестящее солнце. Справа эта мгла была сумрачнее. Там темнели очертания Джебель-Таира. И оттуда, со стороны Аравии, горячий ве-тер гнал двух птиц. Они неслись боком, низко над водою. Перья их были измяты и взъерошены. Неожиданно на-ткнувшись на спасение, на наш грузовик, они взмыли к вер-хушке фока, на тугую струну штага, соединяющего фок с гротом. Уцепившись, они крепко встряхнулись, приводя се-бя в порядок, и застыли.

Мы с мостика долго разглядывали их. Таиться нечего, - всем стало не по себе: это были два старых аравийских стервятника, два "вестника смерти" и всяческих бед. А ведь мы прямехонько идем на смерть: по всему побережью Ара-вии, в Суэце, в Порт-Саиде - чума и холера; в Джибутти, где мы стояли сутки и сообщались с берегом, умирает по сто, по двести человек в день. А нервы у нас никуда, - уста-ли мы ужасно. Переход в Японию был трудный, бурный. Не давши нам и недели отдыха, погнали нас назад, в Китай, оттуда - в Сингапур. Там мы без дела простояли месяц, изну-ряемые жарой, лихорадочной влажностью... Индийский океан в марте, конечно, отдых, но ведь впереди было это проклятое Аравийское море и чума. А народ моряки чувст-вительный. Что же до веры в приметы, в предзнаменования, то плавающие в северных и тропических морях хуже всяко-го араба...

Вечером без охоты поиграли в шашки. Старший механик вспомнил покойного командира "Японии": это было тоже во время чумы и тоже в Красном море, командир захворал, - может быть, и впрямь захворал, заразившись в Массиве, где он съезжал на берег, - а захворав, поспешил принять датуры, оставив записку, что у него жар и опухоли под мышка-ми... "Тело его было предано Красному морю..."

От песку, от горячего ветра закрыли люминаторы. Это печь с закрытой заслонкой! Свободные от вахт рано разо-шлись спать, - один пьяница Франц старчески ворчал и гре-мел в буфете, швыряя посуду. Но какой сон при хамсине! Тело ноет, сердце замирает. Поминутно, весь в поту, просы-паешься, куришь, снова задремываешь... Никогда не кажет-ся так мала каюта! Лежа в темноте, слушая ровный плеск воды, бегущей назад, мимо, все думаешь о том древнем, ми-стическом, чем отравляет нас Восток - тропики, Индия, Китай... а в этом мгlistом море - Аравия. Какая загадоч-ная, доньне неведомая нам, ветхозаветная страна - эти пустыни, до шлага сожженные ветхозаветным богом! Что там, в гористой, вечно мреющей миражами глубине ее?

Окраины мы знаем: жара, грязь и вечная холера в пор-тах; дальше - пески и камни; где-нибудь на голой волни-стой равнине их - страшный в своей доисторической не-уклюжести верблюд, стоящий всегда одиноко, бесприют-но, далеко от той чахлой пальмы и грязного колодца, возле которого - большой жаркий шатер из черного войлока, слабо сияющий на солнце дымок костра, свирепая собака, полусонная от зноя старуха, полуголые дети в паршах, ко-телок, измазанный тестом дурры, невесть откуда занесен-ная керосиновая жестянка с теплой водой... А там - опять то бархатные, то усеянные мелким, острым камнем пески. Там начинаются те заповедные, вечно засыпаемые песком пути из Сирии, Персии и Средней Азии к Мекке, Ятрибу, что издревле отмечают своими костями святые хаджи, гиб-нущие, во имя господа, от жажды, ураганов, зноя и, уж ко-нечно, от холеры и чумы - "Раны от Копья", как называют ее арабы. Вот за такими-то караванами и следуют они, эти стервятники.

Их зловещая близость чувствовалась всю ночь. Я выхо-дил на палубу: горизонты мгlistы, луна туманно-розова, ночь суха, горяча - точно и не в море. Высоко, возле кло-тика фока - два темных комка... Где они вывелись, где скитались? Сколько раз отбивались от смерти, от таких же хищников, как и они сами, сколько раз рвали падаль, тру-пы и погибали от хамсина? "Господь есть бог ревнитель и мститель" - так и доньне верует пламенная страна их. - "Перед лицом его идет язва, а по стопам его - жгучий ве-тер..." И жгучий ветер с песком дул в каюту всю ночь...

К рассвету хамсин пронесло. В шесть утра над каютами начинается топот босых ног, шум воды, пущенной из шлан-гов по палубам. Обычно слышишь все это одно мгновение, затем переворты-ваешься и засыпаешь еще крепче. Но нын-че я очнулся сразу. Как всегда, ослепительный свет тропи-ческого солнца бил в люминатор, до головокружения душно было в каюте - и так отраден этот свежий шум! Сбежав